

С переменной власти во Дворце Линцзю, казалось, даже вечные льды и снега на вершине Пика Пяомяо пропитались новыми порядками и величием. Налань Цинчэн восседала на троне, выточенном из ледяного нефрита, на котором когда-то сидела Тунлао. Ее кончики пальцев легко постукивали по подлокотникам, издавая чистый звук, подобный звону яшмы. Она слегка прикрыла глаза, но ее бескрайнее божественное сознание, словно невидимая сеть, бесшумно простерлось через тысячи гор и рек, точно накрыв темный уголок государства Дали, где сплелись в одно целое злоба и навязчивые идеи.

Она «видела» все предельно ясно: в самой глубине черного леса, закрывающего небо и солнце, происходила смертельная схватка. Две силы, имеющие один источник, но яростно противоборствующие подобно огню и воде, сходились в бою. Одна была острой, необузданной и полной ядовитой ненависти и безумия, перебродившего после предательства в любви — она обвивала, подобно отравленному терновнику. Другая была упрямой и холодной, как одинокий бамбук, борющийся в бушующем шторме: хотя она была изранена и готова была сломаться, но не гнулась, храня внутри последний слабый огонек света. Это были та самая злосчастная мать с дочерью — Цинь Хунмянь и Му Ваньцин!

— Пришло время, — Цинчэн медленно открыла глаза, и глубокий фиолетовый блеск, словно электрический разряд, промелькнул в них.

Раз уж она взяла под контроль Дворец Линцзю, этот узел Западного края, следующим шагом должно было стать соби́рание под свое крыло тех, на кого пал выбор этого мира, и создание собственной сети сил. Му Ваньцин обладала железным характером и превосходным потенциалом, а что самое ценное — находясь в безвыходном положении, она все еще сохраняла чистоту сердца. Она была идеальным кандидатом для воспитания.

— Мэй Цзянь, — тихо позвала она.

— Ваша слуга здесь! — Мэй Цзянь вышла вперед, склонившись в ожидании приказа.

— Подготовь повозку, отправимся в Дяньнань.

— Слушаюсь!

Вскоре была готова повозка, какой не сыскать в мирской суете. Ее везли четыре небывало статных Снежных драконьих коня Тяньшаня, чьи шкуры были ослепительно белыми до последнего волоска, а на лбах проступали маленькие нефритовые рога. Легенды гласили, что в этих конях течет редкая кровь драконов, их копыта рождают облака, и за день они могут преодолеть три тысячи ли. Карета была создана из теплого нефрита и древесины агарового дерева, украшена загадочными узорами грозовых облаков, а по краям свисали легкие занавески. Несмотря на отсутствие показной роскоши, она излучала неземную ауру бессмертных. Восемь учениц Дворца Линцзю в белых одеждах с глубокими навыками стояли по сторонам, выражая почтение.

Налань Цинъюй и Чжун Лин, которые уже давно прыгали от нетерпения, желая увидеть мир,

были приглашены в повозку. Чжун Лин своими большими живыми глазами с любопытством осматривала все вокруг, касалась гладких нефритовых стен и дергала занавески, ожидая предстоящего путешествия с предвкушением.

Карета двигалась, казалось бы, неспешно, но под копытами Снежных драконьих коней поднимались облака, и скорость была невероятной, при этом внутри было настолько плавно, что вода в кубках не колыбалась. Внутри было тепло, как весной, что разительно отличалось от завывающей снаружи стужи — это были два разных мира. Чжун Лин приникла к окну, наблюдая за проносящимися горами и безднами, периодически вскрикивая от восторга. Налань Цинъюй же тихо прислонилась к сестре, поедая целебный плод и чувствуя, как наполняется жизненной силой.

К следующему дню повозка бесшумно достигла черного леса на границе государства Дали и владений империи Сун. Древние деревья здесь возвышались до небес, ветви были переплетены, густые кроны почти полностью закрывали солнце, внутри было темно, сыро и зловеще. Воздух был пропитан запахом гниющих листьев и едва уловимым ядовитым туманом цветков персика, к которому не приближались обычные птицы и звери.

— Ждите здесь, — холодно приказала Цинчэн девушкам, и ее фигура, словно бледно-фиолетовый дым, бесшумно растворилась в тенях лесной чащи. Скорость была предельной, и охранницы-ученицы лишь на миг увидели, как она исчезла.

В глубине леса решалась судьба.

Му Ваньцин, прижавшись спиной к огромному дереву, покрытому мхом, тяжело дышала. Ее черный костюм был разорван во многих местах, кожа виднелась сквозь порезы от терновника и лезвия Сабли Шуры, а на ней оставались страшные кровавые следы. Ее вуаль была сорвана в пылу сражения, и на бледном, но изысканном лице виднелись капли крови и пыль. В руке она сжимала короткий меч, лезвие которого покрылось зазубринами, а ладонь была рассечена, и кровь стекала по рукояти. Однако взгляд ее оставался холодным и упрямым, как ночные звезды, устремленный на безумную женщину — ее наставницу и мать, Цинь Хунмянь.

— Ваньцин! Почему ты до сих пор не понимаешь? Зачем продолжаешь питать иллюзии о семени того Дуань Чжэнчуня! — глаза Цинь Хунмянь покраснели, волосы были растрепаны, ее бывшее очарование было искажено безумной ненавистью. В руках она сжимала длинную и тонкую Саблю Шуры, все еще обгавленную кровью Му Ваньцин. — Все мужчины в поднебесной — подлецы и ничтожества! Убей их! Перебей их всех! Почему ты не слушаешь свою наставницу?!

— Наставница! — в голосе Му Ваньцин слышались рыдания, смешанные с гневом и отчаянием, копившимися более десяти лет. — Если Дуань Чжэнчунь предал тебя, то это его грех, при чем тут я? При чем тут все мужчины этого мира? Почему ты должна заставлять меня... заставлять меня стать такой же, как ты! Заставлять меня идти по этому пути ненависти!

Ее внутренняя энергия была на исходе, руки дрожали, и она держалась только силой воли.

— Бестолковая! Раз так — сдохни вместе с этими вонючими мужиками! — Цинь Хунмянь взвизгнула, и последняя капля материнской любви в ней исчезла, поглощенная hatred. Она бросилась вперед, как привидение, и Сабля Шуры описала смертельную дугу, направленную прямо в белоснежную шею Му Ваньцин!

Му Ваньцин почувствовала приближение смерти. У нее не было сил уклониться или отразить удар. Глядя на приближающийся блеск клинка, она закрыла глаза. Возможно, закончить все так будет лучше — по крайней мере, не нужно больше жить в этой ненависти и боли.

В тот самый миг, когда холодное лезвие почти коснулось кожи...

— Гу-у-у!

Неописуемое, необъятное величие, подобное низвергающемуся с небес Млечному Пути, внезапно окутало всю поляну! Время и пространство, казалось, застыли!

Лезвие Цинь Хунмянь, в которое она вложила всю свою жизнь, замерло, не дойдя дюйма до шеи Му Ваньцин, словно завязнув в невидимом, но прочном янтаре! Она застыла в грозной позе, даже зрачки не могли сдвинуться с места, в глубине глаз отразился лишь крайний ужас и недоверие!

Му Ваньцин, не почувствовав боли, в изумлении открыла глаза. Перед ней, между ней и наставницей, стояла изящная фигура в фиолетовом одеянии. Просто стоя здесь, она, казалось, разделяла небо и землю, отсекая опасность и безумие, принося чувство необъяснимой безопасности.

— Кто... какой мастер... смеет... вмешиваться в дела Сабли Шуры... — выдавила из горла Цинь Хунмянь, охваченная страхом.

Женщина в фиолетовом даже не обернулась. Ее взгляд, ясный, как звук яшмового колокольчика, упал на Му Ваньцин: — Стоит ли того, чтобы губить свою жизнь и превращать мать с дочерью во врагов из-за давно ушедшей и призрачной обиды?

Эти слова ударили, как колокол. Все накопленные эмоции хлынули потоком! Му Ваньцин прикусила губу, сдерживая слезы.

Только теперь Налань Цинчэн медленно повернула голову к Цинь Хунмянь. Ее взгляд не был острым, но был полон необъятного величия. Цинь Хунмянь почувствовала такую дрожь, что была готова рухнуть.

— Даже тигр не пожирает своих детей, — голос Цинчэн звучал спокойно, но каждое слово

гремело, как гром. — Неужели ты, с ослепленным ненавистью и искаженным духом, осмеливаешься считать себя наставницей и матерью?

Она лишь слегка дунула, будто сдувая пыль, на Саблю Шуры. Величественное оружие, закаленное сотни раз, начало рассыпаться, превращаясь в мелкий металлический порошок, падающий на землю. Одновременно с этим та сила, что удерживала Цинь Хунмянь, исчезла.

— А-а! — Цинь Хунмянь отлетела назад, словно сломанный бумажный змей, проломила три дерева и рухнула в листву, извергая потоки крови, и потеряла сознание.

Му Ваньцин была потрясена. Дуновение разрушает сталь! Обидным взглядом подавляет мастера! Это методы настоящих бессмертных!

Цинчэн снова посмотрела на Му Ваньцин: — Му Ваньцин, у тебя отличные данные и стойкий характер. Ты как неограниченный алмаз. Жить здесь, во власти чужих обид — лишь тратить жизнь впустую.

Она протянула руку, на ладони которой заплескала тонкая фиолетовая молния — Первородная энергия грома Хаоса. — Хочешь пойти со мной? Я выведу тебя из этой трясины и покажу истинный мир. Передам тебе великое Дао, чтобы ты могла сама управлять своей судьбой.

Му Ваньцин смотрела на эту фиолетовую молнию и на глубокие глаза Налань Цинчэн. Она осознала, что эта женщина открывает перед ней дверь в совершенно новый мир. Му Ваньцин опустилась на одно колено и четко произнесла: — Му Ваньцин желает порвать со своим прошлым и клянется следовать за своей госпожой до смерти! Прошу, заберите меня из этого моря страданий!

— Хорошо, — шепнула Цинчэн и легким щелчком отправила искру в чело Му Ваньцин.

Волна тепла, как весенний ветер, окутала девушку! Все ее раны затянулись, не оставив шрамов, внутренняя энергия не только восстановилась, но и пробила старые пределы!

— Идем, прежней Му Ваньцин больше нет. Отныне ты — часть моей Секты Громовержца, — Цинчэн подняла ее, и в следующее мгновение они исчезли.

Вскоре повозка вновь двинулась в путь. Налань Цинчэн, сидя в карете, чувствовала, как внутри Му Ваньцин пульсирует новая энергия. Ее внимание переключилось на северо-запад, где скрывался развращенный и наглый Старый бессмертный Синсю, Дин Чунью.

— Ваньцин, — сказала она, — раз ты теперь моя слуга, идем со мной, чтобы увидеть, насколько жалки так называемые мастера ядов в этих реках и озерах.

— Слушаюсь, госпожа! — ответила та.

Повозка, ведомая Снежными драконьими конями, устремилась прочь, к желтым пескам Северо-запада.

<http://bllate.org/book/18770/1818986>